

Аннотация

Юлинецкая Ю. В. Интерпретационный потенциал как дифференциальный признак международного нормативно-правового акта. — Статья.

Статья посвящена изучению интерпретационной составляющей, которая в текстах НПА имеет четкую вербальную экспликацию. Целью исследования было выявление в различных международных нормативных актах соотношения между регулятивными и интерпретационными частями. Материалом для анализа были выбраны международные конвенции, заключения, в которых интерпретационные блоки играют значительную роль.

Ключевые слова: интерпретационная составляющая, международный нормативно-правовой акт, вербальная экспликация, регулятивная часть, интерпретационная часть.

Анотація

Юлінецька Ю. В. Інтерпретаційний потенціал як диференціальна ознака міжнародного нормативно-правового акта. — Стаття.

Стаття присвячена вивченню інтерпретаційної складової, яка у текстах НПА має чітку вербальну експлікацію. Метою дослідження було виявлення у різних міжнародних нормативних актах співвідношення між регулятивними та інтерпретаційними частинами. Матеріалом для аналізу було обрано міжнародні конвенції, висновки, в яких інтерпретаційні блоки відіграють значну роль.

Ключові слова: інтерпретаційна складова, міжнародний нормативно-правовий акт, вербальна експлікація, регулятивна частина, інтерпретаційна частина.

Summary

Yulinetska Y. Interpretative Potential As a Differential Feature of the International Normative Act. — Article.

The article deals with the linguistic analysis of the interpretative component in international normative acts, its particular importance and clear verbal explication. The work aimed at studying the correlation between informative and regulative parts in various international conventions. Several normative acts served as the material. The analysis showed that interpretative blocks play a great role in international conventions and draft opinions.

Key words: interpretative component, international normative act, verbal explication, informative part, regulative part.

УДК 341.4:343.1

Н. В. Дрёмина-Волок

УСТАНОВЛЕНИЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ КАК МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВА

Понятие «юрисдикция государства» является категорией как национально-го, так и международного права. Оно издавна привлекает к себе внимание юристов-международников. Теории уголовной юрисдикции, ставшие доктринальным основанием современных концепций, разрабатывались, в частности, известными учеными XIX столетия — Грольманом, Фон-Модем, Бульмерингом, Гамакером, А.-В. Гефтером, Ф. Листом, Ф. Ф. Мартенсом, Э. К. Симсоном, Н. М. Коркуновым, Н. А. Захаровым, Л. А. Камаровским.

Большой вклад в изучение международно-правовых аспектов уголовной

юрисдикци внесли многие зарубежные ученые, такие как М. Н. Arsanjani, К. D. Askin, М. Ch. Bassiouni, С. L. Blakesley, А. Bos, L. Caflisch, А. Cassesse, R. S. Clark, J. Crawford, Н. А. М. von Hebel, P. Cesare, Ph. Kirsch, R. May, T. Meron, J. Murphey, G. O. W. Mueller, V. P. Nanda, R. B. Philips, G. Gaja, А. Pellet, L. N. Sadat, M. Scharf, D. J. Scheffer, O. Triffterer, V. Tochilovsky, А. Zimmermann, J. Stone, R. K. Woetzel, E. Wilmschurst. Несмотря на то, что в советской юридической науке категория юрисдикции не пользовалась популярностью, ее исследованию уделяли внимание Л. Н. Галенская А. Л. Колодки, Е. В. Рябова, Б. С. Хейфиц, Л. М. Лунц, Ю. С. Ромашев, Т. И. Спивакова, Н. А. Ушаков, С. В. Черниченко и другие ученые. В течение последних десятилетий прослеживается тенденция повышения внимания к рассматриваемой проблематике. В постсоветский период весомый вклад в развитие концепции уголовной юрисдикции в контексте международного права внесли И. П. Блищенко, Ю. Г. Васильев, Р. А. Каламкарян, И. И. Лукашук, Р. А. Мюллерсон, А. В. Наумов, Ю. А. Решетов, Н. А. Сафаров. В течение последних десятилетий прослеживается тенденция повышения внимания к рассматриваемой проблематике в отечественной юриспруденции. Особое значение в этом направлении имеют, на наш взгляд, труды М. В. Буроменского. Важные аспекты уголовной юрисдикции освещаются в работах В. Ф. Антипенко, С. М. Выхриста, Н. А. Зелинской, Н. И. Пашковского, Г. Г. Середы, Т. Л. Сыроед, В. В. Серафимова и других украинских правоведов.

Уголовная юрисдикция традиционно рассматривается как одно из проявлений государственного суверенитета, состоящее в правомочии государства устанавливать основания и порядок осуществления уголовного преследования, осуществлять уголовное преследование лиц, обвиняемых в совершении преступлений и наказывать виновных лиц. Британский юрист-международник Я. Броунли полагает, что «обычный комплекс государственных прав, типичный случай правовой компетенции, обычно обозначается как суверенитет; конкретные же права или некая совокупность прав, количественно меньшая, чем этот комплекс, называется юрисдикцией» [1, 174]. Рассматривая юрисдикцию как одно из основных проявлений суверенитета, Я. Броунли различает материальную или законодательную юрисдикцию (то есть право принимать решения или устанавливать нормы, принудительно осуществляемые в пределах государственной территории) и исполнительную (персональную, прерогативную). Вторая является функцией первой» [1, 174].

Понятие «юрисдикция» отражает два аспекта властного принятия решений: первый относится к созданию норм, регулирующих общественный порядок, и второй — к приведению этих норм в исполнение [2; 3, 197–198]. Общеизвестно, что каждое государство имеет право регулировать общественное поведение в пределах своей территории и вне ее, в случае, если такое поведение касается внутренних интересов данного государства. Право государства предписывать правила поведения на своей территории является неотъемлемым аспектом осуществления государственного суверенитета. Таким образом, существует тесная взаимосвязь между суверенитетом и юрисдикцией [4, 203].

По авторитетному мнению И. И. Лукашука и А. В. Наумова, «юрисдикция есть проявление государственного суверенитета; она обозначает сферу действия государственной власти» [5, 38–39]. В «Юридической энциклопедии», изданной Российской академией наук, проф. И. И. Лукашук пишет: «Юрисдикция» — термин, означающий осуществление властных полномочий» [6, 1224].

В широком значении, юрисдикция традиционно рассматривается как право каждого государства создавать национальное законодательство и обеспечивать его исполнение. Это право реализуется тремя способами, соответственно трем ветвям государственной власти. Следовательно, законодательная, или предписывающая, юрисдикция государства относится к праву государства определять сферу действия его национального законодательства; судебная юрисдикция относится к компетенции судов по применению национального права; исполнительная юрисдикция государства представляет собой способность государства приводить в исполнение решения, принятые органами законодательной и судебной власти.

В решении по жалобе Д. Тадича Апелляционная камера Международного трибунала по бывшей Югославии сочла нужным разъяснить, что «юрисдикция — это не исключительно пределы или сфера деятельности (что в данном случае более адекватно было бы определить как «компетенция»). Это, в первую очередь (что видно из первоначального значения термина «*jurisdiction*») — правовая власть (*legal power*) и, следовательно, легитимная власть «устанавливать право» (*dire de droit*) в определенных пределах, авторитетным и окончательным образом». Такое значение существует во всех правовых системах [7].

Вместе с тем в сфере международного права интерпретация уголовной юрисдикции исключительно как «правовой власти» государства, является необходимой, но не достаточной. В международно-правовом контексте установление и осуществление государством своей уголовной юрисдикции представляет собой не только правомочие, но и международно-правовое обязательство государства, вытекающее из международного договора или международно-правового обычая.

Договорный международно-правовой механизм регламентации уголовной юрисдикции, включает в себя, как правило, обязательства, касающиеся осуществления предписывающей юрисдикции, в частности, установления уголовно-правового запрета в отношении определенного вида преступлений (криминализации) и соразмерных санкций (пенализация), также и судебной и исполнительной юрисдикции с целью привлечения к ответственности виновных лиц. Так, например, в ст. 5 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятой резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г., содержится четко сформулированное обязательство осуществить предписывающую юрисдикцию — признать в качестве уголовно наказуемого, участие в организованной преступной группе. Статья 11 (2) устанавливает, что «каждое государство-участник стремится обеспечить использование любых предусмотренных в его внутреннем законодательстве дискреционных юридических полномочий, относящихся к уголов-

ному преследованию лиц за преступления, охватываемые настоящей Конвенцией, для достижения максимальной эффективности правоохранительных мер в отношении этих преступлений и с должным учетом необходимости воспрепятствовать совершению таких преступлений».

Статья 15 («Юрисдикция») в ч. 1 содержит обязательства государств по установлению своей юрисдикции в соответствии с территориальным принципом и принципом юрисдикции государства флага (то есть квазитерриториальным), принципами с формулировкой: «Каждое Государство-участник принимает такие меры, какие могут потребоваться, с тем чтобы установить свою юрисдикцию в отношении преступлений, признанных таковыми в соответствии со ст. ст. 5, 6, 8 и 23 настоящей Конвенции когда: а) преступление совершено на территории этого Государства-участника; или б) преступление совершено на борту судна, которое несло флаг этого Государства-участника в момент совершения преступления, или воздушного судна, которое зарегистрировано в соответствии с законодательством этого Государства-участника в такой момент». При наличии таких оснований государство не может уклониться от установления своей уголовной юрисдикции, ссылаясь на то, что юрисдикция — это правомочие, а не обязанность государства. В отличие от этого четкого обязательства, в ч. 2 той же статьи говорится о том, что государство «может также установить свою юрисдикцию в отношении любого такого преступления» в соответствии с другими указанными в статье принципами.

Положения, содержащие обязательства государства установить всю уголовную юрисдикцию содержатся практически во всех соглашениях о международном сотрудничестве в борьбе с преступностью. Это позволяет прийти к выводу, что в контексте международного права уголовная юрисдикция государства может быть интерпретирована не только как правомочие (*legal power*), но и международно-правовое обязательство государств установить предусмотренные договором виды, основания и условия уголовной юрисдикции и надлежащим образом осуществлять свою юрисдикцию.

Более проблематично обоснование такой «внешней» стороны юрисдикции государства в том случае, если международное соглашение, которое обязывало бы государство установить и осуществлять свою юрисдикцию, отсутствует. Существует ли внедоговорное обязательство, а не правомочие, государства установить и/или осуществлять свою уголовную юрисдикцию? В поисках ответа на этот вопрос остановимся на некоторых аспектах становления принципов уголовной юрисдикции в международном праве.

Как известно, в XIX столетии «международно-правовые теории уголовной юрисдикции делились на две основные группы, называемые: одни — теориями эгоистическими, выходящими исключительно из идеи отдельного государства, а другие — теориями космополитическими, принимающими в расчет и интересы международные» [8, 313]. По мнению представителей первого течения, государство ограничивается собственными своими целями и задачами, и ему ничего не следует делать, чтобы наказывать за нарушение чужого правового порядка. Поэтому для всех независимых государств не существует никакой обя-

занности заботиться о поддержании порядка вне их области [9, 223]. Наиболее очевидную аргументацию эгоистических теорий первой группы приводили сторонники территориального принципа уголовной юрисдикции. Эта аргументация состояла в том, что уголовно-карательная власть государства ограничивается пределами государственной территории. Основание исключительно территориального действия уголовных законов усматривали в суверенитете, который принадлежит каждому государству [10, 392]. Так, проф. А.-В. Гефтер (1880) утверждал: «Ни одно государство не имеет задачи заботиться везде об осуществлении права и справедливости» [11, 130]. Аналогичную позицию в этом вопросе занимали многие авторитетные ученые XIX столетия, в частности, Стори, Абегг, Витон, Вильдман, Льюс, Филлимор.

Значительно расширил уголовную юрисдикцию государства универсальный принцип (*universal principle*) или космополитическая теория. Согласно этой теории, основную мысль которой высказывал уже Г. Гроций, основной вопрос не в том, какое государство имеет право наказывать, а в том, чтобы ни одно преступление не осталось ненаказанным. Универсальная юрисдикция как юрисдикция государства, в котором обвиняемый фактически задержан, была упомянута уже в *Corpus Juris Civilis*. Система универсальной юрисдикции предполагает использование государствами внутренних механизмов для судебного преследования преступников в соответствии с их внутренними уголовными законодательствами (но не требует какого-либо конкретного наказания) или выдачу их другому государству для судебного преследования. Выдача является одним из двух основополагающих элементов универсальной юрисдикции, и от эффективности этого института зависит эффективность всей системы [12, 169]. «Еще в XVII ст. Г. Гроций провозгласил начала космополитической юриспруденции — каждое государство обязано само покарать преступника, либо выдать его государству, которое его преследует», — подчеркивает М. В. Буроменский [13, 363].

Как отмечал Н. С. Таганцев, позднее элементы универсальной (космополитической) теории встречались в работах юристов начала XIX столетия (например, у Грольмана), но как доктрина она была впервые сформулирована в середине века Бульмерингом. «Основа этой концепции такова: всякое государство, в фактическом обладании коего находится преступник, имеет не только право, но и обязанность его наказать: посягнувший на одного члена международного общения посягает на весь организм. Фон-Моль также сформулировал «как верное основание образованных государств» космополитическое понятие задачи права» [8, 257–258, 319].

В конце XIX ст. Н. М. Коркунов писал, что универсальная теория, «выставленная впервые Модем и Бульмерингом», пользуется «особенной популярностью» [14]. В основу универсальной теории была положена мысль о «всемирной правовой расправе». Эта идея в том или ином контексте поддерживалась многими авторами. Так, по мнению Бернера, государство вступило в союз со всеми остальными государствами с целью осуществления права во всем человечестве, поэтому каждое государство обязано помогать другим государствам в судебной

расправе, чтобы последняя совершалась призванными и имеющими на то право органами [9, 257].

Концепция универсальной юрисдикции получила убедительное развитие в XX веке. В настоящее время существуют обычно-правовая и конвенционная формы универсальной юрисдикции [15, 400; 16, 162; 17, 111]. После заключения соглашения, в котором установлена универсальная юрисдикция, государства-участники не вправе, а обязаны ее применять [18, 107]. В том, что касается внедоговорной универсальной юрисдикции, ответ не столь однозначен.

Анализируя феномен универсальной юрисдикции, М. Ш. Бассиуни называет две основные теоретические позиции, которые объясняют ее существование и применение. Первая — так называемая нормативная универсалистическая позиция, которая базируется на фундаментальных человеческих ценностях, признанных международным сообществом. Такие основные ценности воспринимаются как достаточно важные, чтобы оправдать выход за границы обычного принципа территориальности в осуществлении уголовной юрисдикции. Вторая позиция состоит в прагматическом понимании мировым сообществом необходимости, в случаях, когда затрагиваются интересы всего международного сообщества, применения такого механизма противодействия, который не ограничивается традиционными границами национального суверенитета [19, 42].

Традиционно выделяют «узкое» понятие универсальности (условная универсальная юрисдикция или юрисдикция места задержания — *forum deprehensionis*) и широкое понятие универсальности (абсолютная универсальная юрисдикция), в соответствии с которым государство может подвергать судебному преследованию лиц, обвиняемых в международных преступлениях, независимо от других юрисдикционных оснований и вне зависимости от того, задержан ли предполагаемый преступник на территории этого государства [20, 308–309].

Ratione material принцип универсальной юрисдикции имеет специфическую природу: он имеет отношение к определенным категориям правонарушений, а не ко всем правонарушениям, известным уголовному праву [21, 32–34]. Как подчеркивает Дж. О'Брайн, «универсальная юрисдикция — это юрисдикция, которая применяется относительно определенной категории преступлений исключительно вследствие их природы, независимо от того, где они были совершены» [22, 245]. Таким образом, уголовная юрисдикция как право государства осуществлять уголовное преследование лиц, обвиняемых в совершении определенных преступлений, не ограничивается конкретной связью этого государства с событием преступления, обвиняемыми или потерпевшими лицами. Однако создает ли это обязанность государства осуществлять уголовное преследование, иначе говоря, существует ли сегодня, в начале XXI столетия, обязанность государств участвовать во «всемирной правовой расправе»?

Эта проблема стала предметом широкой дискуссии в рамках ООН при обсуждении вопроса об охвате и применении принципа универсальной юрисдикции. В ходе дискуссии, в частности, была высказана идея о том, что больше внимания следует уделять связи между универсальной юрисдикцией и даяни-

ями, которые носят характер *jus cogens*. В частности, необходимо определить, подлежат ли преступления, запрет которых доходит до уровня *jus cogens*, преследованию в порядке реализации универсальной юрисдикции и является ли такая юрисдикция факультативной или обязательной [23].

Отвечая на этот вопрос, следует, на наш взгляд, прежде всего, исходить из того, что существует международно-правовое обязательство всех государств установить свою предписывающую уголовную юрисдикцию в отношении международных преступлений, криминализованных международно-правовым обычаем, то преступлений по общему международному праву. Государства обязаны привести свое уголовное законодательство в полное соответствие с нормами международного обычного права, установившими такой уголовно-правовой запрет.

Таким образом, и при отсутствии договора установление предписывающей юрисдикции может рассматриваться как обязательство *erga omnes* [24]. В том, что касается судебной и исполнительной юрисдикции, особую сложность вызывает вопрос об обязательстве осуществления уголовного преследования на основании принципа универсальности. В этой связи следует еще раз обратить внимание на существенное различие между широкой и узкой интерпретацией этого принципа. В первом случае признание обязательства осуществлять юрисдикцию не имеет смысла, поскольку такое оно возлагалось бы на неопределенный круг государств, не имеющих реальной юрисдикционной связи с преступлением и предполагаемым преступником. Во втором случае речь идет, о юрисдикции по месту нахождения субъекта, то есть о прямо противоположной ситуации, когда именно у данного государства есть реальная возможность осуществить исполнительную и судебную юрисдикцию.

Возникает ли у такого государства, при наличии соответствующих условий, обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование — *aut dedere aut judicare*? В ходе упоминавшегося выше обсуждения этой проблемы в рамках ООН, некоторые правительства высказали соображения, в которых они предостерегали против смешения универсальной юрисдикции с этим обязательством. Отмечалось, что универсальная юрисдикция является основанием только для установления юрисдикции, и сама по себе не подразумевает наличия обязательства передавать дело для возможного судебного преследования [23].

С этими соображениями можно согласиться в отношении правонарушений, не являющихся преступлениями по общему международному праву. В тех же случаях, когда на территории государства находится лицо, обвиняемое в преступлениях против человечества, и государство отказывает в выдаче такого лица, осуществление уголовной юрисдикции может рассматриваться как обязательство в результате действия положения «*aut dedere aut judicare*».

Обязательства по осуществлению своей юрисдикции в отношении преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества, возникают не только у государства, на территории которого находится предполагаемый преступник, но и у государств, обладающих юрисдикцией, основанной на территориальном (либо квазитерриториальном) принципе или принципе ак-

тивной национальности. Если государство не выполняет эту обязанность, ситуация может быть передана на рассмотрение международных уголовных судов. В подтверждение этого тезиса обратимся к Римскому Статуту Международного уголовного суда. По общему правилу, изложенному в ст. 12 Статута, юрисдикция Суда производна от национальной юрисдикции, основанной на территориальном принципе или принципе активной национальности. Согласно принципу комплементарности, который заявлен уже в преамбуле Статута: «обязанностью каждого государства является осуществление его уголовной юрисдикции над лицами, несущими ответственность за совершение международных преступлений» (п. 6) [25].

Безусловно, приоритетная роль в уголовном преследовании лиц, совершивших международные преступления, принадлежит национальным уголовно-правовым системам. Государства, вне зависимости от того, являются ли они участниками Римского Статута, должны выполнить вытекающее из общего международного права обязательство установления и осуществления своей уголовной юрисдикции в отношении самых серьезных преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества. Если национальная система функционирует нормально, и государство выполняет свои обязательства в отношении уголовной юрисдикции, то не возникает оснований для вмешательства Международного уголовного суда. В то же время Международному уголовному суду предоставляется возможность осуществить свою юрисдикцию в случаях, когда государство проявляет нежелание или неспособность возбудить и произвести уголовное преследование должным образом [26, 39–40].

Мировое сообщество не может позволить репрессивному режиму ссылаться на суверенитет и независимость государства для того, чтобы его лидеры могли уклониться от ответственности. Нежелание или неспособность государства, под юрисдикцию которого подпадают самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, осуществлять свою уголовную юрисдикцию, не должно стать панацеей от привлечения к ответственности виновных лиц. Неотвратимость уголовной ответственности для всех лиц, совершивших международные преступления, является одним из основных условий надлежащего функционирования уголовно-правовой системы. Достижению этой цели должно способствовать проявление политической воли бороться с «культурой безнаказанности», обеспечивая отправление справедливого и беспристрастного правосудия.

Литература

1. Броунли Я. Международное право. Кн. 1 / Я. Броунли. — М. : Прогресс, 1977.
2. Blakesley C. L. Extraterritorial jurisdiction // International Criminal Law. Vol. II Jurisdiction and Cooperation / compiled and edited by M. C. Bassiouni and Ved P. Nanda. — Illinois, 1998. — P. 25–27.
3. Blakesley C. L. Terrorism, Drugs, International Law and the Protection of Human Liberty / C. L. Blakesley. — New York, 1992.
4. Bassiouni M. Ch. International Extradition and World Public Order / M. Ch. Bassiouni. — N.Y. : Oceana publication inc., 1974.

5. Лукашук И. И. Международное уголовное право : учебник / И. И. Лукашук, А. В. Наумов. — М. : Спарт, 1999.
6. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. — М. : Юристъ, 2001.
7. Prosecutor v. Tadic. Case No. IT-94-1. Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, 2 October 1995, para. 10.
8. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая : лекции. Т. 1 / Н. С. Таганцев. — Изд. 2-е, пересмотр. и доп. — С.Пб., 1902.
9. Симсон Э. К. О невыдаче собственных подданных / Э. К. Симсон. — С.Пб., 1892.
10. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 2 / Ф. Ф. Мартенс. — Изд. 5-е. — С.Пб., 1905.
11. Гефтер А.-В. Европейское международное право / А.-В. Гефтер ; пер. К. Таубе. — С.Пб., 1880.
12. Блищенко И. П. Международный уголовный суд / И. П. Блищенко, И. В. Фисенко ; предисл. В. П. Лобзякова. — М. : Закон и право, ЮНИТИ, 1998.
13. Буроменьский М. В. Деякі судження про поняття міжнародного кримінального права // Вісник Академії правових наук України : зб. наук. пр. — 2003. — № 2(33)–3(34).
14. Коркунов Н. М. Опыт конструкции международного уголовного права // Сборник статей Н. М. Коркунова, 1877–1898 гг. — М., 1898. — С. 468–469.
15. Yepes-Enriquez R. Treaty enforcement and international cooperation in criminal matters: with special reference to the Chemical Weapons Convention / R. Yepes-Enriquez, Li. W. Tabassi ; Organisation for the Prohibition of Chemical Weapons. — Cambridge University Press, 2002.
16. Ratner S. R. Accountability for human rights atrocities in international law: beyond the Nuremberg legacy / S. R. Ratner, J. S. Abrams. — Ed. 2nd. — Oxford University Press, 2001.
17. Zerk J. A. Multinationals and corporate social responsibility: limitations and opportunities in international law / J. A. Zerk ; Cambridge studies in international and comparative law. — Cambridge University Press, 2006.
18. Broomhall B. International justice and the International Criminal Court: between sovereignty and the rule of law / B. Broomhall. — Ed. 2nd. — Oxford University Press, 2003.
19. Bassiouni M. Ch. The History of Universal Jurisdiction and Its Place in International Law // Universal Jurisdiction. National Courts and the Prosecution of Serious Crimes under International Law / ed. by Stephen Macedo ; Univ. of Pennsylvania Press. — Philadelphia, 2006. — P. 42.
20. Cassese A. International Criminal Law / A. Cassese. — Oxford : Oxford University Press, 2003.
21. Bassiouni M. Ch. A Treatise on International Criminal Law. Vol. 2 / M. Ch. Bassiouni. — Springfield, IU. : Charles C. Thomas, 1973.
22. O'Brien J. International law / J. O'Brien. — Routledge Cavendish, 2001.
23. UN Doc. A/65/101. — Para. 26.
24. Barcelona Traction, Light and Power Co. Ltd. (Belg. v. Spain) 1970 I.C.J. 3, 32 (Feb. 5).
25. Rome Statute of the International Criminal Court (17 July 1998). United Nations, Treaty Series, Vol. 2187.
26. Bos A. The International Criminal Court: Recent Developments / A. Bos.

Аннотация

Дрёміна-Волок Н. В. Установление и осуществление уголовной юрисдикции как международно-правовое обязательство государства. — Статья.

В статье рассматриваются проблемы идентификации понятия «уголовная юрисдикция» государства как категории международного права. Автор обосновывает позицию, согласно которой в международно-правовом контексте установление и осуществление государством своей уголовной юрисдикции представляет собой не только правомочие (legal power), но и международно-правовое обязательство государства, вытекающее из международного договора или международно-правовой обычаи. Особое внимание уделяется универсальной уголовной юрисдикции государств.

Ключевые слова: уголовная юрисдикция, международно-правовое обязательство, территориальный принцип юрисдикции, универсальная юрисдикция.

Анотація

Дрёміна-Волок Н. В. Становлення та здійснення кримінальної юрисдикції як міжнародно-правове зобов'язання держави. — Стаття.

У статті розглядаються проблеми ідентифікації поняття «кримінальна юрисдикція» держа-

ви як категорії міжнародного права. Автор обґрунтовує позицію, згідно з якою в міжнародно-правовому контексті встановлення і здійснення державою своєї кримінальної юрисдикції являє собою не тільки правомочність (legal power), а й міжнародно-правове зобов'язання держави, що випливає з міжнародного договору або міжнародно-правового звичаю. Особлива увага приділяється універсальній кримінальній юрисдикції держав.

Ключові слова: кримінальна юрисдикція, міжнародно-правове зобов'язання, територіальний принцип юрисдикції, універсальна юрисдикція.

Summary

Dryomina-Volok N. V. Criminal Jurisdiction Establishment and Exercise As an Obligation of States Under the International Law. — Article.

The article approaches the problem of State's «criminal jurisdiction» concept identification as of an international law category. The author grounds the view that within the international legal context the establishment and exercise of state criminal jurisdiction is not only a legal power, but also an obligation of States under the international law based on international treaty or customary international law. Particular attention is paid to universal criminal jurisdiction of States.

Keywords: criminal jurisdiction, international obligation, principle of territoriality, universal jurisdiction.

УДК 340.12:(159.9.019.4+316.62)

А. В. Лещенко

ГЕНЕЗИС ФІЛОСОФСЬКО-ПРАВОВИХ УЯВЛЕНЬ ПРО ПРАВОВУ ПОВЕДІНКУ

Актуальність дослідження правової поведінки пов'язана з нестачею теоретичних розробок в юриспруденції та активним проведенням процесу реформ в Україні. Між тим термін «правова поведінка» вже досить міцно увійшов у науковий світ і активно використовується як в теорії права, так і в соціології права, філософії права. Проте практично відсутні дослідження праць вчених античності, середньовіччя та Нового часу з цього питання. На сьогодні досить популярним стає тезис про виключення неправомірної поведінки зі сфери правової поведінки, і це питання викликає досить активну дискусію. Ця невизначеність несе в себе неоднозначність трактування як в теорії права, так і в галузевих юридичних науках, і вимагає подальшого наукового дослідження з аналізом поглядів мислителів античності, середньовіччя та Нового часу. Ця проблема має і практичне значення, що виражається в удосконаленні законодавства України, практики Конституційного Суду України та судів загальної юрисдикції. Вище вказані обставини обумовлюють актуальність дослідження, його зв'язок з найважливішими теоретичними і практичними завданнями.

Дослідження питання стосовно правової поведінки можна знайти у різні періоди розвитку правової думки в працях давньогрецьких філософів Арістотеля, Платона, Епікура; римських правників Гая, Юстиніан, Ульпіана; вчених епохи середньовіччя Томаса Гоббса, Джона Локка; німецьких філософів Нового часу Еммануїла Канта, Георга Вільгельма Фрідріха Гегеля, Людвіга Фейєр-